

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ

Воспоминания А. И с б а х а

Поздней осенью 1930 г. в Харькове, тогдашней столице Украины, собралась вторая Международная конференция революционной литературы.

Это была наиболее внушительная встреча прогрессивных литераторов всего мира.

Созванная в Москве в 1927 г. Международная конференция революционных писателей была значительно более ограниченной по своему составу. Основное ядро конференции образовали тогда иностранные писатели, приехавшие для участия в торжествах, посвященных десятилетию Октябрьской революции. Это были, главным образом, прогрессивные литераторы, слабо связанные с рабочим классом и пролетарским литературным движением.

Второй Харьковской конференции предшествовала большая подготовительная работа.

Международная обстановка отличалась тогда чрезвычайной сложностью. Фашизм все выше поднимал голову.

Незадолго до конференции Международное бюро революционной литературы провело ряд боевых кампаний против преследования И. Р. Бехера в Германии, Л. Лайцена в Латвии, М. Каханы в Румынии.

Эти писатели-борцы, освобожденные из тюрем, стали делегатами Харьковской конференции; их окружили там особенным вниманием и любовью.

Некоторые писатели, не выдержав трудностей международной революционной борьбы, покинули наши ряды, стали ренегатами. С презрением и гневом называли, например, делегаты конференции имя Панаита Истрати.

На Харьковской конференции присутствовало сто одиннадцать делегатов от двадцати двух стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Советскую делегацию возглавлял А. Серафимович. В делегацию входили московские писатели А. Фадеев, Ф. Панферов, Л. Авербах, В. Киршон, Б. Ясенский, Н. Огнев, С. Динамов, И. Анисимов, И. Жига, М. Чумандрин, А. Селивановский, А. Тарасов-Родионов, В. Луговской, Э. Багрицкий, А. Исбах, украинские писатели И. Микитенко, И. Кириленко, И. Ле, П. Усенко, М. Терещенко и другие, от Германии — И. Бехер, Л. Ренн, А. Зегерс, Г. Мархвица, Ф. К. Вайскопф, Э. Э. Киш, Э. Глезер, А. Курелла. Венгрию, изнывавшую тогда под фашистской пятой Хорти, представляли наши близкие друзья и соратники — Б. Иллеш, А. Гидаш, М. Залка, Э. Мадарас, нашедшие вторую родину в Москве; Польшу — Бруно Ясенский; Румынию — М. Кахана; США — М. Голд, Джозефина Хербст, Дж. Кьюниц; Китай — Эми Сяо; Англию — Р. Эллис и Г. Хезлоп; Австрию — Э. Фабри; Италию — Дж. Джерманетто. Впервые приехал в Советскую Россию Л. Арагон, тогда уже член Французской коммунистической партии.

На каждой большой станции делегации трудящихся встречали с цветами писательский поезд «Москва — Харьков».

Советские писатели уже привыкли к проявлениям любви, которой народ окружал свою литературу. Но надо было видеть, как волновались экспансивные Арагон и Голд, обычно сдержанный и молчаливый Бехер и несколько чопорный Ясенский.

Наскоро произносились горячие речи. Одну из таких речей — кажется в Курске — произнес с площадки вагона Панферов, и собравшиеся на пер-

роне комсомольцы громко скандировали в ответ: «Бруски», «Бруски», «Бруски»...

Это было совершенно необычное путешествие. Ни ночью, ни днем никто не спал. Не прекращалась оживленная беседа, ожесточенные споры, звучали песни.

Я ехал с Фадеевым, Панферовым и Голдом.

В нашем всегда переполненном купе невозможно было уснуть ни на минуту. Собеседники тонули в сплошном табачном дыму. К запаху крепких, почти махорочных папирос, которые непрерывно курил Панферов, примешивался запах дешевых заокеанских сигар Голда.

Разговор шел о «Разгроме» Фадеева, о «Брусках», переведенных уже на десятки языков, о коллективизации сельского хозяйства, о сюрреализме, о Фрейде, о Днепрострое.

Голд, ероша густую черную шевелюру, читал свои экспромтом написанные стихи; Залка с неподражаемым акцентом рассказывал анекдоты, а Фадеев, тогда молодой и веселый, в своей неизменной блузе с высоким воротником и мелкими частыми пуговицами, залиvisto, заразительно смеялся и в ответ Залке затягивал одесские блатные песни.

В одном из купе, в голубоватых волнах астматоло, «священнодействовал» Эдуард Багрицкий. Глубокий знаток и ценитель европейской поэзии, переводчик Гуда, Бернса, Бена Джонсона, Ронсара, Рембо, он до того времени почти не встречался с зарубежными поэтами, и ему никогда не приходилось бывать на европейском Западе. Оживленно беседовал он сейчас с Бехером, Арагоном, Голдом (переводили Эльза Триоле и тогда еще совсем юная Тамара Мотылева). Вот Эдуард приподнимается на своей полке. Ворот рубашки расстегнут. Полуседеая шапка волос закрывает ему лоб. Он читает Арагону и Садулю свои переводы из Рембо.

...Ты плясал ли когда-нибудь так,
мой Париж,
Сколько резаных ран получал,
мой Париж,
Ты валялся ль когда-нибудь так,
мой Париж,
На парижской своей мостовой,
мой Париж,
Горемычнейший из городов,
мой Париж,
Ты почти умираешь от смрада
и тлена...
Кинь в грядущее
плечи и головы
крыш
Твое темное прошлое
благословенно!..
...Слушай: я прорицаю, воздев кулаки:
В нимбе пуль ты воскреснешь когда-нибудь снова!..

Потом Эдуард читал и даже напевал «Старый фрак» Беранже. Потом восторженно слушал как читает стихи французских поэтов Арагон.

...Бурные и страстные споры о роли литературы в международной борьбе пролетариата продолжались с высокой трибуны конференции.

Конференция открылась в канун годовщины Великой Октябрьской революции, 6 ноября.

Столица Украины была в праздничных огнях. Праздничное настроение царило и в большом зале харьковского Дома писателей.



ГРУППА ДЕЛЕГАТОВ ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СРЕДИ МОЛОДЫХ НЕМЕЦКИХ АНТИФАШИСТОВ

Слева направо: А. Исбах, Герда Бойе, Людвиг Ренн; позади: Бруно Ясенский, И. Катаев, Ф. Панферов

Фотография, Харьков, 6—15 ноября 1930 г.

Собрание А. А. Исбаха, Москва

— Товарищи, — сказал, открывая конференцию, руководитель украинских пролетарских писателей драматург И. Микитенко, — в столице Украинской Социалистической Советской Республики <...>, на территории первого в мире государства рабочих и крестьян собирается начать свою ответственную работу штаб мирового революционного литературного фронта...

Около сорока лет прошло с тех пор, но и сегодня, когда я пишу эти строки, возникают передо мной и высокая фигура Людвиг Ренна в юнштурмовке, переkreщенной ремнями (он предлагал состав президиума), и добродушный облик Джерманетто, поднимающегося, прихрамывая, на трибуну, и веселое, румяное лицо никогда не унывающего Залки. Я слышу и мягкий, с придыханием, голос Ясенского, и гневные выступления юного Эми Сяо, и грассирующую речь Арагона.

От имени советских писателей выступил Серафимович. Все делегаты стоя приветствовали старейшего писателя-революционера. Он был в своей обычной длинной черной блузе с белым отложным воротничком. Внимательно оглядел зал, улыбнулся своему старому другу Джерманетто, едва заметно кивнул сидевшему в первом ряду Залке, остановил внимательный взгляд на немецких антифашистах.

— Товарищи, — сказал наш старшой, — когда Ленин организовывал Коминтерн, к нему пробралась маленькая кучка товарищей. Некоторым из них пришлось ехать в трюме парохода, в угольной яме, рискуя быть

открытыми. Матросы, чтобы их скрыть, засыпали их углем и оставили дырочку для дыхания. А теперь Коминтерн потрясает весь земной шар, и потрясаемый им капиталистический мир дал глубокую трещину. Три года назад за большим столом в Наркомпросе, в Москве, сиротливо сидело человек восемь-десять товарищей писателей, представителей заграничных. А теперь я от имени ВОАППа приветствую революционных и пролетарских писателей двадцати двух стран. Какие задачи стоят перед товарищами писателями? Огромные. Вот за Харьковом лежало пустопорожнее место, а через пять месяцев мы осматривали это место, и сказочно на пустыре, на глазах, сказками растет там изумительный завод *. Это, товарищи, не просто строится завод, это живой портрет того, что делается во всем Союзе. Это отображение социалистического строительства...

Он замолчал, поправил воротничок и очень задушевно, как бы беседуя с друзьями, продолжал:

— Так вот, задача революционного писателя — в живых красках бросить в массу пролетариев заграницы этот портрет, ибо никакими лекциями, никакими брошюрами не заменишь того, что видишь глазом, а художественная литература — это глаз, это непосредственное восприятие...

* * *

Одним из самых волнующих моментов было приветствие антифашистской юношеской организации Германии.

С молодыми антифашистами, приехавшими из Берлина, мы подружались с первого же дня конференции.

Мы с Панферовым и Чумандриним жили в соседнем номере и часто навещали их.

Они прочли уже «Коммуну неимущих» (так назывались по-немецки «Бруски») и расспрашивали Панферова о многих деталях, интересуясь дальнейшей судьбой Огнева, Ждаркина, Стеша. (Я говорил немного по-немецки и служил переводчиком.) А ребята рассказывали нам о своей трудной берлинской жизни, о том, что фашисты рвутся к власти, о баварском «пивном» путче Гитлера и Рема.

Юные, горячие, непримиримые, они казались родными братьями наших первых комсомольцев — бойцов гражданской войны и участников схваток с кулаками.

Я рассказывал им о героях Триполья, Панферов — о новой, советской деревне.

Мы снялись с ними на память у писательского дома. Она передо мной сейчас, эта старая, выцветшая карточка. Ребята в каскетках, юнгштурмовках, с антифашистскими значками, вколотыми в галстук. Возвышающийся надо всеми Л. Ренн в такой же юнгштурмовке (недавно я показывал ему, семидесятилетнему, эту карточку, и он долго протирал повлажневшие стекла своих очков). Между мною и Ренном юная девушка в берете — Герда Бойе; тонкое, одухотворенное лицо. За нами стоит Б. Ясенский. А рядом взволнованный Панферов обнимает за плечи юных берлинских комсомольцев.

«Крепкий, боевой привет от одной берлинской антифашистки. Герда».

Это написано на обороте карточки. И адрес: «Берлин. Ростокштрассе, 17. Герда Бойе...».

Карточка была только в одном экземпляре. Мы долго спорили с Федором Ивановичем, кому из нас она адресована... Мы ревновали Герду друг к другу... А потом, через пятнадцать лет, в апрельские дни 1945 г., лежа на мостовой Берлина после разрыва фаустпатрона и готовясь к очередной

* Имеется в виду Харьковский тракторный завод (ХТЗ). — А. И.

перебежке, я вспомнил о Герде. Как прожила она эти страшные годы и в каких боях принимала участие? Я верю, глубоко верю, что если ей пришлось погибнуть, она сохранила до последней минуты жизни тот огонь, который горел в ее глазах в дни нашей харьковской встречи, сохранила мужество и веру в победу.

«Мы надеемся, — взволнованно прозвучал звонкий голос с трибуны конференции, — что вы поможете нам в нашей борьбе против фашизма. Рот фронт!»

Юные антифашисты запели «Красный Веддинг». И все делегаты конференции подхватили эту боевую песню, слова которой были написаны Эрихом Вайнертом, а музыка — Гансом Эйслером.

И я слышал, как громко пел Арагон, как басил Серафимович, как самозабвенно произносил трудные немецкие слова Чумандрин.

Links, links, links, links,
 Ein Lump, wer kapituliert.
 Links, links, links, links,
 Der Rote Wedding marschier!
 ...Schon erglüht die Rote Sonne,
 Flammend am Horizont,
 Kämpft, Genossen, Sturmkolonne.
 Rot Front! Rot Front!

Немецким юнгштурмовцам отвечал Залка:

— Дорогие молодые товарищи! Мы, члены международной организации революционных писателей всех стран, заявляем вам, что мы в боевой готовности ждем часа решительной расправы. Мы один из отрядов революционной армии мирового пролетариата, которая сметет фашизм. Да здравствует мировая революция!..

В ноябре 1968 года, через тридцать восемь лет после Харьковской конференции, я получил из Потсдама письмо от Герды Бойе, ветерана труда... Но это уже тема для целой повести...

* * *

Много теоретических докладов и выступлений было на этом форуме. Речи были темпераментные, полемически заостренные. Если говорить сегодняшним языком, все основные речи делегатов конференции были направлены против мирного «сосуществования» идеологий, против ревизионистско-оппортунистических теорий, отрицающих всякую возможность развития пролетарской культуры в капиталистическом обществе.

Задача пролетарских и революционных писателей всего мира — не только борьба с фашизмом, но и борьба с социал-реформизмом, активная защита СССР, решительная поддержка освободительной борьбы пролетариата в каждой отдельной стране, — утверждали делегаты конференции.

— Сегодня мы работаем за пипущей машинкой, но мы должны знать, что эта машинка может завтра же смениться пулеметом, — прекрасно сказал Б. Иллеш. — Сегодня мы солдаты революции, сражающиеся пером, но завтра или послезавтра мы будем теми солдатами революции, которые держат в руках винтовку. Но мы не должны забывать, что винтовкой мы сможем действительно хорошо служить революции лишь в том случае, если еще сегодня мы действительно хорошо и четко обслужим революционный фронт нашим сегодняшним оружием — пером...

Таков был пафос конференции. В едином восторженном порыве встали все делегаты, когда после приветственного слова председателя Совпаркома Украинской республики В. Я. Чубаря, под звуки «Интернационала»

в зал вошел отряд красноармейцев. Делегация школы червонных старшин отдавала салют революционным писателям. Иллеш и Ясенский надели преподнесенные им буденновские шлемы, и зал снова взорвался аплодисментами.

Не менее волнующим было утро, когда весенними потоками хлынули в зал юные пионеры Украины и в президиуме заагнали галстуки, повязанные ребятами почетным пионерам — Серафимовичу, Бехеру, Анне Зегерс, Залке, Джерманетто...

«Неистовый» репортер, ветеран революционного движения Эгон Эрвин Киш отвечал юным пионером.

... Трудно перечислить даже наиболее важные вопросы, которые обсуждались на конференции.

Представительница Коминтерна, одна из старейших членов коммунистической партии, Серафима Ильична Гопнер говорила о значении раб-коровского движения.

Строгий, собранный Бехер в большом докладе об угрозе войны и задачах революционных писателей нанес сокрушительный удар и милитаризму и бескрылому пацифизму.

Жестко осудив всевозможных поджигателей войны, Бехер закончил свой доклад забываемыми словами Эмиля Золя: «Я не могу молчать, так как не хочу стать соучастником преступления», переведя их на современный революционный язык: «Только тогда мы не будем соучастниками преступлений, ведущих к победе реакции и гибели человечества, если мы с полным сознанием изменим нашим капиталистическим правительствам и подготовим превращение империалистической войны в войну гражданскую».

Речь его глубоко взволновала всех делегатов.

Внимательно обсуждались проблемы, связанные с особенностями развития литературы во Франции, в Америке, в Японии, в Китае, в колониях...

О бесчинствах польского фашизма в Западной Украине и Западной Белоруссии страстно говорил вырвавшийся из застенков Пилсудского Ясенский.

Гневно обличал хортистский режим Залка.

Молодой, страстный Арагон под бурные аплодисменты всех делегатов заявил: «Защищать пятилетний план, защищать социалистическое строительство — значит защищать не один лишь Советский Союз, а мировой пролетариат. Надо готовиться к войне против тех, кто задумывает войну...»

Ярко и проникновенно говорил о боевых традициях Джона Рида американский писатель Голд, редактор «New Masses».

Особенно сильно прозвучала речь венгерского писателя Комьята. Он дал анализ характера империалистических войн, причин возникновения фашизма, призвал к защите Советского Союза.

Латышский писатель Лайцен рассказал о белоэмигрантской литературе, которая заполняет все книжные магазины Риги, об участии писателей-эмигрантов Арцыбашева и Северянина в белоэмигрантском писательском конгрессе в Варшаве. О нерушимой связи революционных писателей всего мира в свете грядущих исторических задач хорошо говорил поэт В. Луговской, представлявший на конференции Литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛЮКАФ). И, как бы принимая от него эстафету в этой перекличке писателей — воинов революции, выступил старый боец Ренн.

Большое место в работе конференции заняли непосредственно творческие вопросы.

В содержательной речи Фадеева было уделено много внимания борьбе со всевозможными индивидуалистическими тенденциями в творчестве тех писателей капиталистических стран, которые, «прощаясь с прошлым», ищут пути к новому миру, к народу, к пролетариату, к революции.

МАТЭ ЗАЛКА

Фотография, Москва, октябрь 1936 г.
Архив журнала «Огонек», Москва



Фадеев справедливо говорил о задачах борьбы на два фронта, выступая против ренегатов типа Панаита Истрати и против «левых» фразеров, догматиков, отталкивающих от нашего движения многих талантливых писателей, «попучиков» пролетариата.

Интересными мыслями о судьбах романа поделился немецкий писатель Глезер, возражавший Вайскопфу, который рассматривал роман как форму консервативную и отживающую.

В своем выступлении я пытался поставить вопрос о новом типе писателя-революционера, непосредственного участника борьбы за новую жизнь, за низвержение гнета капитализма на Западе, за строительство социализма в СССР. Я говорил о новаторском значении романов Барбюса, Бехера, Ренна, Иллеша, Киша, Мархвицы и о недостатках в ряде произведений зарубежных революционных писателей.

— Все противоречия капиталистического мира, — говорил я по поводу романа японского писателя Хаяши, — показаны в нем механически, в плане хроники. Нам же нужна не только хроника событий, — нам нужно проникновение в самые глубины этого процесса, раскрытие всех противоречий капиталистического мира...

* * *

Одним из самых острых вопросов, обсуждавшихся на Харьковской конференции, был вопрос о французском журнале «Monde» и литературно-политической позиции его редактора — Анри Барбюса.

В редколлегиях «Monde», основанного в 1928 г., наряду с другими прогрессивными писателями вошел Максим Горький.

Барбюс в своих спорах с руководителями Международного бюро революционной литературы (в президиум которого он входил) чрезмерно преувеличивал «объективистские» задачи «Monde», который должен был представлять все пути современной жизни, факты и идеи таковыми, «каковы они есть вне всяких партий».

Это стремление стоять «в стороне от всякой политической деятельности», хотя оно, с точки зрения Барбюса, носило только тактический смысл, приводило часто к печальным последствиям.

Обо всем этом с большим огорчением и зачастую весьма резко говорили ораторы, выступавшие с трибуны Харьковской конференции.

Выступления эти казались нам вполне справедливыми и убедительными.

Однако сейчас, перечитывая материалы конференции, я прихожу к мысли, что в чрезмерно резких выпадах против Барбюса было много от «административного» догматизма рапповского руководства. Наряду с правильной принципиальной критикой «Monde», было немало и несдержанных, сектантских выпадов, оскорбительных для такого замечательного писателя, борца против фашизма и друга Советского Союза, каким всегда был Барбюс.

Адри Барбюс по болезни не мог приехать в Харьков. Но он обратился к конференции с большим письмом, в котором свидетельствовал о «своей верности и неизменной преданности нашему общему делу, о своей вере в его неизбежное поступательное движение».

* * *

... Много теоретических докладов и выступлений было на этом форуме. И много песен.

Вечерами, после заседаний конференции, мы бродили по улицам Харькова, распевая русские и украинские песни, марш «Красный Веддинг», знаменитую антифашистскую «Avanti, Popolo».

Впереди всех шагал маленький, плотный М. Залка, рядом с ним высокий Ренн, похожий на Дон-Кихота. Они не знали еще тогда, что судьба соединит их через несколько лет на испанских полях сражений, что Залка будет командиром Интернациональной бригады, а Ренн — командиром батальона.

У Панферова был глубокий грудной голос. Иноземные слова он произносил как-то особенно мягко и задушевно... Вот и сейчас слышится мне, как он выводит:

Аванти, пополо,
Аля рискосса...
Бандьера росса...
Бандьера росса.

— Компаньо Панферов, — говорит ему улыбаясь старый «цирюльник» Джерманетто, — вы уже можете составить большую конкуренцию Карузо...

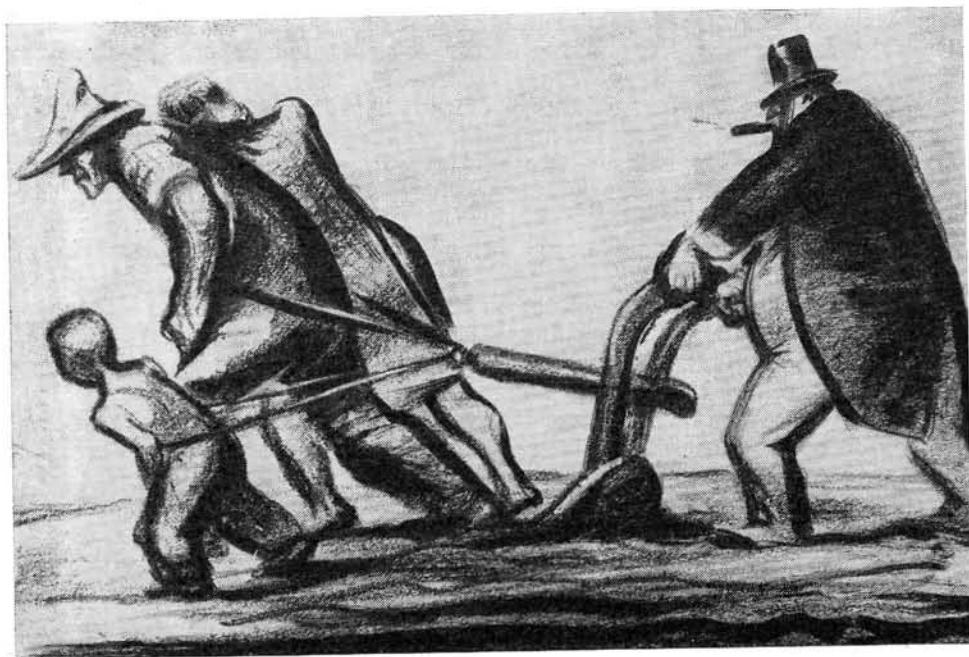
Мы много выступали в те дни на харьковских предприятиях. В одной из творческих выездных бригад, куда посчастливилось попасть и мне, оказались Серафимович, Джерманетто, Залка и Эми Сяо. Вел вечер вихрастый комсомолец-токарь. Давая слово Джерманетто, он сказал:

— А сейчас выступит итальянский письменник Джерманенко...

Многие в зале засмеялись. Улыбнулся и Джерманетто, а Серафимович весело и громко — так что услышали в зале — сказал:

— Ну, Джованни, украинский народ вас уже на свой лад переделал... Значит, совсем своим считает...

Один раз выступал вместе с нами и Багрицкий.



«МЫ ВСЕ РАБОТАЕМ»

Рисунок (карандаш, тушь) Дженоба Берна

«New Masses», 1934, 25 декабря

Воспроизводится по оригиналу. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Однако стать участником конференции Багрицкому не пришлось: приступ астмы; один из самых жестоких.

Как жалел он, что не может покинуть четыре стены своего номера (врачи категорически запретили это), как ворчал на нас, когда мы отказывались взять его на большой международный вечер поэзии, устроенный в клубе одного из харьковских заводов.

— Не делайте из меня Шильонского узника, — свирепо рычал он. — Я все равно сбегу... Вы еще узнаете, на что способен Багрицкий...

И снова приступ жестокого, губительного кашля.

Добрый друг его Н. Огнев приносил ему обеды из Дома писателей. Багрицкий почти ничего не ел. Он похож был на дряхлеющего, но все еще грозного льва в клетке.

И все же через его номер нескончаемой вереницей проходили гости. Украинские поэты (он читал им любимого Шевченко), Комьят, Залка, Гидаш с друзьями-венграми (он читал переводы из Петефи), юные немецкие антифашисты из молодежной лиги (он читал им Фрейлиграта и Рильке)...

Однажды после вечернего заседания конференции я пришел навестить больного и ахнул: комната была битком набита народом. Среди незнакомых посетителей находились и делегаты конференции. Эдуард, сидя в глубоком кресле, «во весь голос» читал любимый свой монолог Тилия Уленшпигеля:

Я лютно разобью об острый камень,
Я о колено кисть переломаю,
Я отшвырну свой шутовской колпак,
И впереди несущих гибель толп
Вождем я встану. И пойдут фламандцы
За Тилем Уленшпигелем — вперед!

Тиллю Уленшпигелю Багрицкий посвятил несколько стихотворений. Он рассказывал мне, что мечтает написать о нем большую драматическую поэму.

Залка на конференции гневно клеймил литераторов-рenegатов. Как-то, еще в дни первой конференции пролетарских писателей, он делился со своими друзьями впечатлениями о модном тогда писателе Панаите Истрати.

— Истерик! — кратко сказал он. — Не желаю даже и знакомиться с ним.

С досадой и иронией, а потом все более недобрый тоном он заговорил о романах этого «гостя».

— Как о нем подняли слишком много шуму, так и все герои его больше шумят, чем делают. На таких людей надеяться никак нельзя. Или за тех, или за этих! — закончил Залка, решительно рассекая воздух небольшой сильной рукой. — Тогда ясно видно, с кем имеешь дело.

Потом он обрушился на «крикливую романтику», когда «мещанин любит собственную истерику» и «во всем громадном мире видит только свою персону...»

— Мерзость! — и лицо Залки выразило самое непримиримое презрение.

На родине Залки, в Венгрии, царил жестокий хортистский режим. Залка был объявлен вне закона. Голова его была оценена палачами Хорти. Он вынужден был жить в Москве. Советский Союз он считал своей второй родиной. И Залка жил полной жизнью нашей страны, Коммунистической партии. В своих рассказах, очерках, повестях откликнулся на все события, происходящие в стране.

Выступая с отчетным докладом мандатной комиссии, я с гордостью назвал имя Залки в числе немногих делегатов — кавалеров ордена Красного Знамени. Он несколько раз выступал с пылкими речами, говоря о значении и задачах объединения прогрессивных литераторов. От имени писателей, приехавших на конференцию в Харьков из многих стран Европы, Азии, Америки, Африки, Матэ Залка обратился с приветом к украинскому народу.

И именно ему, Залке, была оказана высокая честь — выступить с заключительным словом на конференции. Он очень волновался, произнося эту речь. Он говорил ее на своем «оригинальном» русском языке, в котором проскальзывали венгерские слова.

«В заключение можно сказать только одно... Те товарищи, которые уезжают за границу, если у них была до сих пор слишком короткая шпага, должны теперь сделать один шаг вперед вплотную к врагу, чтобы сразить его.

Тем товарищам, которые останутся здесь, с нами, нужно всеми силами принять участие в строительстве социализма, в строительстве той великой баррикады между буржуазией и пролетариатом, которая называется Советским Союзом.

Давайте, — предложил он, — в заключение споем дружно „Интернационал“ на всех языках представляемых нами стран...»

Он взмахнул руками.

И мы запели «Интернационал»...

После окончания конференции мы поехали на Днепрострой. Это была интереснейшая поездка. Мы опускались в котлованы, поднимались на леса стройки.

Высоко на лесах, где-то рядом с Арагоном и Анной Зегерс стоял старейший делегат конференции Серафимович, счастливыми глазами смотрел на заднепровские дали, и белоснежный воротничок его трепетал на свежем днепровском ветру.